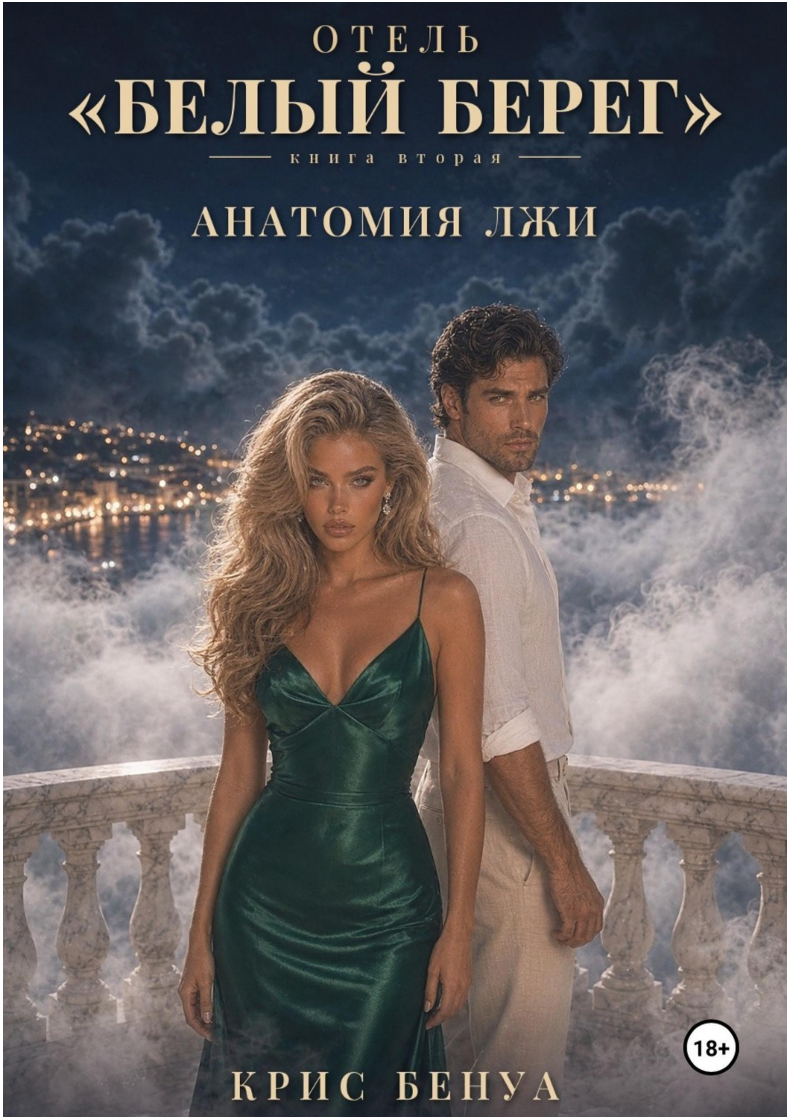

ОТЕЛЬ
«БЕЛЫЙ БЕРЕГ»
книга вторая
АНАТОМИЯ ЛЖИ
18+
КРИС БЕНУА

Крис Бенуа

Отель «Белый берег». Книга 2. Анатомия лжи

https://litres.ru/74969827
SelfPub; 2026

Аннотация

Полгода назад Мия переступила порог отеля «Белый берег» чужой. Теперь она знает: этот берег забрал у неё отца — и готов забрать всё остальное. За безупречным фасадом курорта скрывается человек, который десятилетиями управлял чужими судьбами как фигурами на доске, — Виктор Мор. И единственный способ его остановить — сыграть партию, где ставка не деньги, а правда.

Адриан обещал быть рядом «до первого солнца и после». Но чем ближе разгадка, тем очевиднее: в этой истории лгали все — и те, кого Мия ненавидела, и те, кого успела полюбить. Старые документы, подделанные подписи, женщина с прошлым и кольцо, к которому когда-то так и не прикоснулись.

«Анатомия лжи» — это вторая книга о «Белом береге»: роман о мести, которая оборачивается любовью, и о правде, которая возвращает людям их собственный голос. Законченная история с финалом, который расставит всё по местам.

Содержание

ПРОЛОГ. СДЕЛКА НА ПЕСКЕ (5 ЛЕТ НАЗАД) 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ 10
Глава 1. Разговор в запертом архиве 10
Глава 2. Сантиметр до отчуждения 15
Глава 3. Бумажная петля 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Крис Бенуа
Отель «Белый берег». Книга 2. Анатомия лжи

ОТЕЛЬ «БЕЛЫЙ БЕРЕГ»
КНИГА ВТОРАЯ. АНАТОМИЯ ЛЖИ

ПРОЛОГ. СДЕЛКА НА ПЕСКЕ (5 ЛЕТ НАЗАД)

Дождь над прибрежным серпантином не шёл — он казнил этот берег. Тяжёлые солёные капли сбивали листья с диких кустов и размывали белую разметку, превращая асфальт в чёрное зеркало. В салоне старого «Ягуара» пахло табачным дымом и мокрым шерстяным пальто. Селин смотрела на своё правое запястье, где кожа ещё хранила тепло от пальцев Адриана. Меньше часа назад она оставила его в угловом люксе отеля. Там, на прикроватной тумбочке, лежало бархатное кольцо, к которому она так и не прикоснулась.

Она запомнила его спящим. Запомнила нарочно, как запоминают дорогу, по которой больше никогда не вернутся: разворот плеча под простынёй, тёмную прядь на виске, ровное дыхание человека, который верил, что проснётся не один. Она унесла этот кадр с собой, как уносят единственную ценную вещь из горящего дома, и знала, что будет пересматривать его потом, по ночам, пока хватит сил помнить.

Виктор Мор ждал её на самом краю старого, полуразрушенного пирса. Штормовые волны с грохотом разбивались о бетонные сваи, обдавая его фигуру пеной, но Виктор даже не шевелился. Он стоял под огромным чёрным зонтом — сухой, защищённый, контролирующий каждую деталь вплоть

до капель ливня на ткани своего пальто. Его длинное чёрное кашемировое пальто стояло на ветру монолитом. Седые виски казались вылитыми из свинца в мертвенном свете портовых фонарей. Он никогда не оглядывался на звук чужих шагов. Виктор умел узнавать людей по ритму дыхания и весу их страха.

— Ты заставила меня ждать, Селин, — произнёс он. Его густой, бархатный баритон легко перекрывал шум прибоя. В нём не было ни злости, ни упрёка — только ровная, пугающая уверенность человека, который знает, что ему не откажут.

— Я прощалась с домом, Виктор, — тихо ответила она. Селин сделала шаг вперёд, и ветер мгновенно швырнул прядь её длинных, шелковистых угольно-чёрных волос ей на лицо. Она не стала её убирать. У неё не было зонта, и тропический ливень омывал её насквозь. Волосы промокли до нитки и влажными прядями прилипли к лицу, плечам и промокшей ткани. Её бледная, почти фарфоровая кожа контрастировала с темнотой ночи, а глубокие зелёные глаза смотрели на Мора с холодной, мёртвой покорностью.

— С домом, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Не с человеком. Это хорошо, что ты сказала «с домом». Значит, ты уже понимаешь: мужчины приходят и уходят, а стены остаются. Стены приносят доход. Мужчина, который спит сейчас наверху, не принёс тебе ничего, кроме долга в пять миллионов и фамилии, которую завтра втопчут в грязь.

Виктор медленно повернулся. На его левой руке тускло, маслянисто блеснул массивный золотой перстень с печаткой — символ его невидимой власти над этим побережьем. Он засунул руку во внутренний карман пальто и достал тонкую, пахнущую дорогой кожей папку.

— Здесь не просто долги, дитя моё, — Виктор протянул ей документы, и бумага застонала под порывом ветра. — Здесь приговор. Пять миллионов, которые Адриан Ковач не выплатит даже за три жизни. Его отец оставил ему не отель, а петлю. Завтра в полдень эти бумаги лягут на стол прокурора. «Белый берег» пойдёт с молотка, а сам твой гордый Адриан закончит свои дни в камере или на дне этого самого моря. Если, конечно, у него не появится ангел-хранитель.

— Ангел-хранитель, который согласится стать твоей вещью, — Селин горько улыбнулась, но её губы тут же замерли, превратившись в тонкую линию. — Ты чудовище, Виктор. Ты ведь мог просто простить этот долг. Ты богат.

Виктор Мор сделал шаг к ней, сокращая дистанцию. От него пахло дорогим импортным табаком и сухой, выстуженной уверенностью. Его большая, тёплая ладонь легла ей на плечо, пальцы слегка сжались, сминая мокрую, отяжелевшую от тропического дождя ткань пальто.

— Чудовища убивают быстро и грязно, Селин. Я же — эстет. Я дарю твоему Адриану жизнь. И половину этого долга. Сценарий простой: ты уезжаешь со мной сегодня же, растворяешься в ночи, становишься для него расчётливой стервой,

которая бросила его ради денег и лучшей жизни. Он возненавидит тебя, эта злость даст ему силы бороться, и он останется на плаву. Если ты останешься с ним — к завтрашнему ужину у него не будет ничего. Даже имени. Выбирай.

Селин обернулась и посмотрела наверх, на откос. Там, окутанный дождевой дымкой, возвышался белокаменный замок отеля. В одном из угловых окон горел мягкий, золотистый свет. Там Адриан прямо сейчас смотрел на часы, не понимая, куда исчезла его муза. Она представила, как он просыпается, как ведёт ладонью по остывшей половине кровати, как находит нетронутое кольцо, — и как эта картинка через час, через год, через пять лет будет для него означать только одно: его бросили. Она сама сейчас, своими руками, укладывала первый камень в стену его будущей ненависти.

Она сделала выдох, который показался ей последним честным выдохом в жизни, и опустила ладонь на холодное золото перстня Виктора.

— Я еду, — сказала она. — Но помни, Мор: когда-нибудь этот берег заберёт своё.

— Берег всегда забирает своё, — согласился он, и в его голосе впервые скользнуло что-то похожее на уважение. — Вопрос лишь в том, на чьей стороне ты будешь стоять, когда он это сделает.

В ту ночь Селин Вернье думала, что приносит себя в жертву ради любви. Она ещё не знала, что пять лет жизни рядом с Виктором Мором — человеком, который видел в людях

лишь комбинации цифр и шахматных фигур, — выжгут из неё всю прежнюю мягкость. Она училась у него каждую секунду. Училась тому, как держать лицо, как искать чужие уязвимости и как бить без предупреждения. Виктор думал, что дрессирует покорную содержанку, но на самом деле он ковал своего самого опасного ученика. И только спустя пять лет, стоя у другого окна в другую ненастную ночь, она поймёт, что ученик всегда переживает учителя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Глава 1. Разговор в запертом архиве

Победа на бумаге всегда выглядит чище, чем в жизни. Когда две половинки отцовского завещания наконец соединились на дубовом столе библиотеки, Мие казалось, что шторм, преследовавший её семью пять лет, наконец утих. Виктор Мор был передан конвою, инвесторы растеряны, а «Белый берег» — её законный дом — снова принадлежал ей.

Она провела эти шесть дней как в полусне, в котором счастье и усталость сплелись так плотно, что уже не отличить одно от другого. По утрам она просыпалась рядом с Адрианом, и первые несколько секунд — пока сознание ещё не вспоминало ни долгов, ни судов, ни прошлого — были абсолютным, незамутнённым счастьем. Он варил кофе сам, не доверяя его прислуге, и приносил ей чашку на террасу, и смотрел, как она пьёт, с таким выражением, будто не мог поверить, что имеет на это право. Они говорили о реставрации. О том, какого цвета сделать маркизы над южной верандой. О том, что отец Мии когда-то хотел разбить лавандовое поле на верхнем склоне, да так и не успел. Это были разговоры людей,

которые впервые за долгое время осмелились планировать будущее.

Но истинная правда отеля открывалась не в парадных залах, а в тишине после бури.

На шестой день после ареста Мора Мия спустилась в архив подвального этажа. Ей нужно было систематизировать старые сметы Даниэля Лароша, чтобы понять, с чего начинать реставрацию. Воздух здесь по-прежнему пах стоялой водой, старым картоном и землёй. Голая лампочка под низким сводом качалась от сквозняка, и тени от стеллажей ходили по стенам, как вода. Мия любила это место странной, болезненной любовью — здесь хранился почерк её отца, его чертежи, его расчёты, сделанные твёрдой рукой человека, который верил, что строит на века.

Мадам Клара вошла бесшумно. На ней был тёмный платок, наброшенный на плечи, а в руках она держала тонкую папку с личными делами. Её вечно поджатые губы теперь казались тоньше обычного, а в глазах, устремлённых на Мию, читалась глухая, усталая честность человека, который слишком долго носил в себе чужие тайны.

— Вы здесь, Мия, — произнесла Клара. Это «вы», впервые обращённое к ней вместо привычного тона строгой управляющей, заставило Мию вздрогнуть. — Я подумала, что нам нужно договорить. Всё сразу вылить в человека — это как вылить океан, он захлебнётся. Я ждала, пока вы выдохнете. Пока поверите, что всё кончилось. Но теперь, когда

Мор в камере, вы имеете право знать. И чем дольше я молчу, тем тяжелее мне будет сказать.

Мия отложила папку со сметами и села на жёсткий деревянный стул.

— О чём вы, мадам Клара? Мы ведь нашли записку. Всё закончилось.

— Ничего не закончилось, — Клара горько, едва заметно усмехнулась уголком рта. — Вы думаете, господин Адриан всегда был таким? Сухим, закрытым, похожим на замок? Нет. Пять лет назад он был другим. До того, как отсюда ушла Селин.

Имя прозвучало в сыром подвале как резкий щелчок выключателя. Мия замерла.

— Селин, — тихо повторила Миа. Это имя не было для неё чужим. Ещё с той, первой ночи она знала немногое, но твёрдо: у Адриана была жена, её звали Селин, и в ту ночь она села в машину Виктора Мора и исчезла с этого берега. Дальше имени Миа не знала ничего. — Я знаю, что у него была жена. Что она ушла — и что с этим как-то связан Мор. Но я никогда не понимала почему. Что между ними вообще было.

— Значит, вам рассказали только край истории, — Клара посмотрела прямо в глаза Мие. — Да. Прежняя хозяйка этого дома. Красивая была. Слишком красивая и слишком умная для этих стен. Она уехала от него ровно пять лет назад — как раз в те дни, когда Виктор Мор начал затягивать петлю

вокруг отца Адриана. Адриан после её ухода и превратился в камень. Закрылся в своём пентхаусе, перестал видеть людей, обложился бумагами и долгами. Вы думали, он страдал по отелю? Он страдал по ней.

Мия почувствовала, как под кожей пробежал мелкий, колючий холод — тот самый, который она ощущала, когда за ней следили в темноте коридоров.

— Почему она ушла? — тихо спросила она.

— Официально — бросила его, когда у семьи начались проблемы с деньгами. Уехала на юг, погналась за роскошной жизнью, — Клара сделала паузу, и её голос упал до шёпота. — Но я видела её один раз. Ночью, за месяц до её исчезновения. Она выходила из машины Виктора Мора у прибрежного шоссе. Я тогда промолчала, подумала — дела мужа. А теперь я боюсь, Мия. Боюсь, что Виктор Мор умеет ломать людей так, что они уходят сами. И боюсь, что Адриан до сих пор не вылечил эту рану. Вы вошли в этот дом со шваброй и ведром, растопили его сердце. Но помните: подтаявший лёд открывает старые трупы.

— Зачем вы говорите мне это именно сейчас? — Мия подняла на неё глаза. — Виктор в тюрьме. Какая разница, что было пять лет назад?

Клара долго молчала. Потом положила тонкую папку на стол — не ту, что держала для вида, а другую, вытащенную из-под шали, перевязанную бечёвкой и пожелтевшую от времени.

— Потому что есть вещи, которые я не рассказала следствию, — сказала она наконец. — Вещи, которые я носила в себе двадцать лет и которые теперь жгут мне руки. Я не отдам их вам сегодня. Я ещё не готова, да и вы не готовы. Но запомните: если со мной что-нибудь случится, спуститесь не в этот архив. Спуститесь в погреб старой винодельни вашего отца. Там, за кирпичной кладкой, есть ниша. Ваш отец знал цену бумаге. Он всегда делал две копии.

Она поднялась, оставив свою декоративную папку на столе, и пошла к двери. У порога обернулась.

— Вы хорошая девочка, Мия. Слишком хорошая для этой партии. Берегите себя. И не верьте тишине. В этом доме тишина всегда была дороже любого крика — за неё здесь платили больше всего.

Клара тихо притворила за собой тяжёлую дверь архива. Мия осталась одна в полумраке. В её руках были документы на отель, но в сердце поселился глухой, липкий страх. Она поняла, что почти ничего не знает о мужчине, которого полюбила. И что победа, которую она праздновала шесть дней, была не концом истории, а всего лишь антрактом.

Глава 2. Сантиметр до отчуждения

Вечером того же дня Мия поднялась в пентхаус. На террасе догорала тёплая, золотисто-розовая ноябрьская заря. Море внизу лежало гладкое, как стекло, но для Мии этот пейзаж больше не был мирным.

Адриан стоял у парапета, спиной к ней. Его смокинг был снят, верхние пуговицы белой рубашки расстёгнуты, а в руке он держал бокал с вином, к которому не прикасался. Его плечи были напряжены.

Мия подошла тихо, её шаги утонули в мягком ковре террасы. Она остановилась в шаге от него, чувствуя, как между ними повисла та самая тонкая, невидимая стена, которой не было ещё вчера.

— Адриан, — позвала она негромко.

Он не вздрогнул. Медленно повернул к ней голову, и его серые глаза показались Мие непривычно тёмными, глубокими, ушедшими в себя.

— Ты не спишь, Мия? — его голос был ровным, но в нём сквозила отрешённость. — Юристы прислали новые требования от кредиторов Виктора. Я пытаюсь разобраться.

Мия сделала этот последний сантиметр вперёд и положила ладонь на его грудь — туда, где под тонким хлопком рубашки тяжело и мерно билось его сердце. Она заглянула ему в лицо, ища прежнего Адриана, который целовал её на бе-

лом берегу.

— Я говорила с Кларой сегодня, — прямо, без подготовки сказала она. — В архиве. Она рассказала мне про Селин.

Рука Адриана, державшая бокал, на мгновение замерла. Мия почувствовала, как под её ладонью судорожно сжались его грудные мышцы. Он не ответил сразу. Обернулся обратно к морю, и его челюсть сжалась так, что на скулах проступили жёсткие желваки.

— Клара слишком много разговаривает для человека, который просто следит за этажами, — сухо произнёс он.

— Адриан, почему ты ничего не сказал мне? — в голосе Мии прорезалась глухая обида. — Мы строим этот дом заново, ты говоришь, что любишь меня, что я твой дом. Но у тебя внутри огромная комната, запертая на ключ, и там живёт другая женщина. Она ушла пять лет назад, но ты до сих пор носишь эту рану. Почему она ушла?

Адриан резко повернулся к ней. В его взгляде больше не было нежности — там вспыхнула старая, яростная, тщательно оберегаемая боль. Это была реакция человека, которого без предупреждения ударили по открытому перелому.

— Потому что она так решила, Мия, — отчеканил он, и каждое слово падало как тяжёлый камень. — Она собрала чемодан в ночь, когда банк прислал первое уведомление о залоге, и уехала на юг с человеком, у которого было больше денег, чем у меня. Это всё, что тебе нужно знать. Это прошлое. Оно мертво.

— Оно не мертво, Адриан! — Мия отступила на шаг, её ладонь соскользнула с его груди, оставив после себя лишь холод. — Ты смотришь на меня, но видишь её предательство. Ты закрываешься от меня в этих бумагах не потому, что у отеля проблемы, а потому, что боишься снова поверить женщине! Ты любишь её до сих пор? Или любишь свою ненависть к ней?

Адриан промолчал. Он поставил бокал на столик — слишком резко, так, что вино плеснуло на белый мрамор террасы тёмной, похожей на кровь каплей.

— Знаешь, что самое страшное в предательстве, Мия? — наконец сказал он, и голос его стал глуше, тише. — Не сама измена. А то, что ты перестаёшь верить собственной памяти. Я помнил её другой. Я помнил, как она смеялась, как держала мою руку, когда мы смотрели на шторм с этой самой террасы. А потом она ушла — и я должен был признать, что всё это было ложью. Что я пять лет любил женщину, которой никогда не существовало. Ты спрашиваешь, люблю ли я её. Нет. Я ненавижу её за то, что она сделала с моей способностью верить. И эта ненависть — единственное, что у меня от неё осталось.

Он помолчал и добавил, уже совсем тихо:

— Иди спать, Мия. Некоторые двери лучше не открывать. Особенно те, за которыми тебя не было.

Он развернулся и ушёл внутрь пентхауса, задвинув за собой тяжёлую стеклянную дверь. Мия осталась стоять на тер-

расе под гаснущим небом. Между ними больше не было лжи о завещании — теперь началась куда более страшная ложь молчания. Проблемы в их сказке начались не с внешних врагов; они начались в ту секунду, когда прошлое Адриана беззвучно переступило порог их настоящего.

Глава 3. Бумажная петля

Ноябрь катился к концу, и вместе с ним таяли последние надежды на лёгкое спасение. Ликвидаторы империи Виктора Мора действовали как профессиональные хирурги — они точечно, хладнокровно отрезали от «Белого берега» один жизнеобеспечивающий орган за другим.

Торжество справедливости, ради которого Мия провела пять лет в пепле и нищете, на поверку оказалось лишь началом новой, куда более изматывающей войны. Она наивно полагала, что арест Виктора — это шах и мат. Но Виктор, уходя в наручниках, оставил после себя не разгромленную армию, а отлаженную, самоуправляемую машину разорения, которая продолжала молоть «Белый берег» и без своего хозяина.

Каждое утро в отель приходили новые уведомления. Сначала банк заблокировал оборотные счета винодельни — юристы Мора оспорили подлинность подписи Даниэля Ларош на старых актах модернизации. Затем южные инвесторы, которых Виктор когда-то привёз на побережье, выставили солидарный иск на возмещение убытков. Сумма была астрономической — четыре миллиона, которые нужно было выплатить в течение тридцати дней, либо главный корпус отеля переходил под внешнее управление.

Кабинет отца стал для Адриана добровольной тюрьмой.

Он не спускался в зал, не обедал на террасе. Мия видела его только через приоткрытую дверь: заваленный бумагами стол, сигаретный дым, пустые чашки из-под кофе и его серое, осунувшееся лицо. Он худел на глазах, превращаясь в тень своего покойного отца. Иногда она приносила ему еду, и он благодарил её коротким кивком, не поднимая головы, — и этот кивок ранил её больше, чем ранило бы любое грубое слово.

Мия вошла без стука в три часа дня. За окнами собирались тяжёлые, свинцовые тучи — предвестники грандиозного шторма.

— Адриан, нам нужно поговорить, — она положила на край стола папку со старыми чертежами Даниэля. — Мадам Клара нашла контакты старых партнёров моего отца в столице. Они готовы дать нам кредит под залог будущих сезонов. Мы сможем перекрыть южный иск!

Адриан даже не поднял головы. Его пальцы, державшие перьевую ручку, побелели от напряжения.

— Эти партнёры твоего отца обанкротились ещё три года назад, Мия, — его голос звучал глухо, безжизненно. — Клара живёт прошлым. А у нас настоящее. И оно выглядит так: завтра в полдень банк накладывает арест на счета. Единственный способ спасти главный корпус — подписать этот акт передачи земли под винодельней южным кредиторам. Они заберут погреба и землю у берега, но оставят нам стены отеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.